

МОТИВЫ И ГЕРОИ РУССКИХ СКАЗОК В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЕТЕВОЙ МИКРОПОЭЗИИ

Д. В. Силакова¹⁾, Т. В. Сафонова²⁾

¹⁾кандидат филологических наук, доцент,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Курский государственный университет»,
ул. Радищева, 33, 305000, г. Курск, Россия,
dinasilsk@mail.ru;

²⁾кандидат филологических наук,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Курский государственный университет»,
ул. Радищева, 33, 305000, г. Курск, Россия,
dotsent80@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности использования фольклорных образов в разных жанрах сетевой микропоэзии: стишки-порошки, пирожки, депрессяшки, экспромты, две девятки.

Анализируются причины и способы обращения сетевых авторов к известным сказочным сюжетам. Выявляется, что русские народные сказки – постоянный источник виртуального креатива, благодаря которому усиливается степень вовлечённости пользователей в сюжетную и языковую игру сетевых авторов.

Рассмотрены основные ситуации, волшебные вещи, герои, обыгрываемые в микропоэзии. Описаны активно используемые образы: Баба Яга, Кощей Бессмертный, Иван-дурак и др. Делается вывод о том, что активное использование образов и мотивов русского фольклора связано с поэтикой сетевых сатирических жанров, где важнейшую роль играет переосмысление традиционных сюжетов, использование прецедентных имен и ситуаций, разрушение стереотипов восприятия, парадоксальность финала.

Ключевые слова: фольклор; сказка; сетевая поэзия; краткостишия; мотив; прецедент.

МАТИВЫ І ГЕРОІ РУСЬКИХ КАЗАК У ІНТЕРПРЕТАЦІЇ СЕТКАВАЙ МІКРАПОЕЗІЇ

Д. В. Сілакова¹⁾, Т. В. Сафонава²⁾

¹⁾кандыдат філалагічных навук, дацэнт,
Федэральная дзяржаўная бюджэтная адукацыйная ўстанова вышэйшай адукацыі
«Курскі дзяржаўны ўніверсітэт»,
вул. Радзішчава, 33, 305000, г. Курск, Расія,
dinasilak@mail.ru

²⁾кандыдат філалагічных навук,
Федэральная дзяржаўная бюджэтная адукацыйная ўстанова вышэйшай адукацыі
«Курскі дзяржаўны ўніверсітэт»,
вул. Радзішчава, 33, 305000, г. Курск, Расія,
dotsent80@yandex.ru

У артыкуле разглядаюцца асаблівасці выкарыстання фальклорных вобразаў у розных жанрах сеткавай мікрапаэзіі: вершыкі-парашкі, піражкі, дэпрэсяшкі, экспромты, дзве дзявяткі.

Аналізуюцца прычыны і спосабы звароту сеткавых аўтараў да вядомых казачных сюжэтаў. Выяўляецца, што рускія народныя казкі – сталая крыніца віртуальнага крэатыву, дзякуючы якому ўзмацняецца ступень уцягнутасці карыстальнікаў у сюжэтную і моўную гульню сеткавых аўтараў.

Разгледжаны асноўныя сітуацыі, чароўныя рэчы, героі, якія абыгрываюцца ў мікрапаэзіі. Апісаны актыўна ўжываемыя вобразы: Баба Яга, Кашчэй Бессмяротны, Іван-дурань і інш. Робіцца выснова аб тым, што актыўнае выкарыстанне вобразаў і матываў рускага фальклору звязана з паэтыкай сеткавых сатырычных жанраў, дзе найважнейшую ролю адыгрывае пераасэнсаванне традыцыйных сюжэтаў, выкарыстанне прэцэдэнтных імён і сітуацый, разбурэнне стэрэатыпаў успрымання, парадасальнасць фіналу.

Ключавыя словы: фальклор; казка; сеткавая паэзія; кароткавершы; матыў; прэцэдэнт.

MOTIVES AND CHARACTERS OF RUSSIAN FAIRY TALES IN THE INTERPRETATION OF NETWORK MICROPOETRY

D. V. Silakova¹⁾, T V. Safonova²⁾

¹⁾*PhD, Ass. Professor*

*Federal State Budgetary Education Institution of Higher Education «Kursk State University», st. Radishcheva, 33, 305000, Kursk, Russia,
dinasilak@mail.ru;*

²⁾*PhD,*

*Federal State Budgetary Education Institution of Higher Education «Kursk State University», st. Radishcheva, 33, 305000, Kursk, Russia,
dotsent80@yandex.ru*

The article examines the features of using folklore images in different genres of online micropoetry: powder poems, pirozhki, depressyashki, impromptu, two nines.

The reasons and methods of online authors' appeal to famous fairy tale plots are analyzed. It is revealed that Russian folk tales are a constant source of virtual creativity, thanks to which the degree of user involvement in the plot and language game of online authors increases.

The main situations, magical things, and heroes played out in micropoetry are considered. The actively used images are described: Baba Yaga, Kashchei the Deathless, Ivan the Fool, etc. The conclusion is made that the active use of images and motifs of Russian folklore is associated with the poetics of online satirical genres, where the most important role is played by the rethinking of traditional plots, the use of precedent names and situations, the destruction of stereotypes of perception, the paradoxical ending.

Keywords: folklore; fairy tale; online poetry; brevity; image; precedent.

Исследования последних лет показывают, что сетевая микропоэзия постепенно выросла в значимый феномен виртуальной коммуникации. С момента возникновения первых сообществ к настоящему времени значительно увеличилось число сетевых платформ, объединяющих любителей юмористических краткостишй. Расширилась и палитра жанров: пирожки, порошки, депрессяшки, артишоки, экспромты.

Все эти разновидности «неформатного» креатива все чаще оказываются в поле внимания исследователей медиа, филологов, лингвистов, психологов и др. Помимо системного труда М. А. Кронгауза, подробно описавшего историю появления сетевой поэзии и проанализировавшего поэтику ключевых жанров [1; 2], отметим работы С. Н. Петренко, рассматривающей явление малой сетевой поэзии в системе интернет-фольклора [3; 4].

Усиливающийся интерес, многообразие рассматриваемых вопросов функционирования сетевой микропоэзии подтверждает перспективность и актуальность изучения отдельных аспектов поэтики малых интернет-жанров.

Микропоэзию как форму вербальной креативности отличает то, что ее жанры требуют необычного финала, строятся на переосмыслении стереотипа или нарочитой стереотипизации, практически невозможны без элементов парадокса. Это объясняет особое приращение сетевых поэтов к фольклорным образам и мотивам. Сюжеты русских сказок, содержание пословиц и поговорок хорошо знакомы большинству носителей языка, поэтому отсылка к устному народному творчеству в различных сетевых форматах закономерно увеличивает вовлечённость пользователей в сюжетную и языковую игру, предлагаемую автором. Заметим, что обращение к некоторым прецедентным феноменам, выходящим за пределы хрестоматийных, может быть крайне удачным с художественной точки зрения, но далеко не всегда будет поддерживаться массовой сетевой аудиторией. И напротив, чем теснее связан прецедент с массовой культурой, тем большим успехом он пользуется.

Популярности фольклорных образов в сетевой поэзии во многом способствовало и появление на экранах двенадцати анимационных фильмов российской комедийной серии «Три богатыря»: «Алёша Попович и Тугарин Змей» (2004), «Добрыня Никитич и Змей Горыныч» (2006), «Три богатыря. Ни дня без подвига» (2024) и др., которые актуализировали персонажей и сюжетные коллизии былин и заставили аудиторию по-новому взглянуть на знакомых с детства героев.

В данной работе мы рассмотрели только ту часть произведений малых поэтических жанров, где встречаются отсылки к сказочным героям и сюжетам. При этом в корпус описываемых текстов вошли только порош-

ки, пирожки, две девятки, депрессяшки, построенные на народных сказках, что потенциально расширяет возможности для изучения текстов, где используются прецедентные имена из литературных сказок (Буратино, Мальвина, Золушка, Дюймовочка, Белоснежка, Балда, Гвидон и др.).

Если следовать классификации В. Я. Проппа, делившего сказки на волшебные, кумулятивные, о животных, растениях и предметах, бытовые, небылицы и докучливые [5, с. 50 – 51], то можно сделать следующие обобщения.

Образы бытовых сказок в отобранных примерах встречаются крайне редко. Четко фиксируется обращение к сказке «Каша из топора». Помимо прямых отсылок к сюжету сказки о солдате и старухе («топор поможет мне быстрее / сварить вам кашу в голове» (Диковинка) [6, здесь и далее приводятся тексты, размещенные на сайте Поэторий]. Часть сетевых произведений основана на контаминации народной сказки и романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», возможной за счёт использования топора как общей художественной детали: «не тронул родион старушку / и варит суп из топора» (Серёга); «раскольников пришёл к старушке / кулеш из топора сварил / котлеток нарубил и вместе / уселись ужинать они» (the axu).

Реже других авторы сетевой микропоэзии используют сюжеты и образы сказок о животных. В общем корпусе примеров (600 разножанровых текстов) такие примеры единичны: «была у зайца лубяная / и ледяная у лисы / а больше в нашем зоопарке / пожалуй, не на что смотреть» (crazy_grant & zrbjvd) или «лиса над волком потешалась / ты что же в прорубь опустил» (bazzlan).

Столь же точно заимствуются образы докучливых сказок. Таких примеров всего шесть. Так, в двух девятках «дочь у попа была по плану / а вот сыночек от балды» (АМ) происходит отсылка к зачину известного бесконечного стишка, который нередко становился объектом художественных пародий и перепевов. Интересен пример, где переключка идет на более глубоком уровне, авторы обращаются не только к образу-цитате «купи слона» («нам очень жаль что ваша чаша / терпения уже полна / и тем не менее купите / слона» (никакич), но и к принципу построения докучливых сказок, который состоит в выстраивании цепи бесконечных повторений: «уныла жизнь на птичьем рынке / купил цыплят продал цыплят / другое дело слонорынок / купил слона продал слона» (Покемон).

Заметно чаще темами краткостишней становятся трансформированные кумулятивные сказки. В отобранных примерах доминируют образы из «Колобка» (более 80 текстов), «Репки» (более 30 текстов), «Курочки Рябы» (более 20 текстов), «Теремка» (5 текстов): «рябая курица на пас-

ху / снесла яйцо от фаберже / дед с бабой просто офигели / а мышь покончила с собой» (Неусита), «эталонем пробы / строек на века / остается мишка / гость из теремка» (Посторонним В).

Волшебные сказки – самый мощный источник заимствований. Они лежат в основе трех четвертей анализируемых примеров. Самые распространенные на этой поэтической площадке тексты – сказки «Морозко», «Царевна-лягушка», «Гуси-лебеди», «По щучьему веленью», «Иван Царевич и Серый волк», «Василиса Прекрасная», сказки о Змее Горыныче и др.

Способы обращения к сказочным сюжетам могут быть самыми разнообразными. Выделим только самые распространенные, встречающиеся многократно.

Авторская интерпретация народных сказок: «горыныч шевельнул башкою / открыл налитый кровью глаз / и враз запахло русским духом / от нас» (zrbjvd).

Употребление сказочных речевых формул в крайне неожиданном ключе: «петра по щучьему веленью / в страну отправили оленью» (СтарыйХрычард).

Аллюзии на названия хрестоматийных сказок: «бифштекс из топора рецептик / раскольникову шепчет бес / и сам решай уж с кровью делать / иль без» (B0JI).

Использование для завязки привычных сказочных действий героя, которые обрастают нетривиальной (подчас катастрофической) концовкой: «лягушка лезет на ивана / целуй мол суженый встречай / а он лишь головой качает / он чай» (KadrovicHka72).

Нарушения запрета в волшебной сказке: «запахло опалённой кожей / иван поворошил дрова / и василиса прошептала / пур-ква» (Вороньч).

Узнаваемые сюжетные коллизии, важные для развития конфликта: «пришла с банкета василиса / а муж для вида поругав / привычно сразу лезет щупать / рукав» (Мурка).

Упоминание волшебных локаций и сказочных деталей: «избушка на куриных ножках / бежит по лесу в тыл врага / на крыше возле пулемёта / яга» (Горобец).

Указание на узнаваемую портретную деталь (нос Бабы Яги, три головы Змея Горыныча, коса Василисы Премудрой и др.): «такой косы свет василиса / ни у кого нет на руси / ну что ты лыбишься как дура / коси» (ПК).

Использование волшебных предметов: «кощей задумался доколе / неужто жизнь не сберегу / и спрятал смерть свою на поле /в стогу» (ВайшуМайт); «короче говорит лягушка / верну тебе стрелу иван /когда

меня на шоппинг свозишь / в милан» (Phomiczoff); «когда емеля обеспечен / ходить приходится пешком» (NataliE); «клюку на рынке выбирая / яга сказала дайте две / я кэмээс по скандинавской / ходьбе» © oless;

Перенесение мифологических персонажей в современный контекст или приобщение сказочных героев к современным реалиям: «ивану надо ипотеку / на улучшение жилищ / лягушка снова наметала / икрищ» (Карус). Несмотря на то, что политические темы во многих сетевых форматах воспринимаются как «моветон», сказочные персонажи нередко упоминаются и в этом контексте: «горыныч в роли президента / устав от девственных невест / созвал в госдуме депутатов / на съест» (икигаев).

Использование многочисленных возможностей омонимии: «я кощей бессмертный / с челюстью вставной / только челюсть в утке / утка подо мной» (тодибо).

Внешнее сравнение личной ситуации со сказочной / проведение параллелей из жизни лирического героя со сказкой с помощью привычного для аудитории сравнения «жить как в сказке»: «живу друзья как в русской сказке / сын дурень тёща как яга / жена жабень и на макушке / рога» (Beerserker).

Объединение сказочных персонажей и сюжетов с прецедентными образами и ситуациями из разных сфер-источников (в том числе и с другими сказочными сюжетами): литература: «а колобок бы смог стать парой / для всадника без головы» (bespamiatnyh); политика: «у нас яга летала в ступе / а в бочкотаре плыл гвидон / но это было до ботинка / в оон» (Дед Митрий); кино / анимационные фильмы: «мне василиса повелела / добыть икру летучих рыб / мы той икрой намажем тело / и скажем тихо в добрый путь» (Покемон); живопись: «кричал на шук емеля в лунку / и угодил в модели к мунку» (СапсанOff).

14. Сюжетные игры, основанные на этнокультурных стереотипах и национальных обычаях: «похоже не моя неделя / смекнула шука рухнув в бак / ну штош давай мели емеля / форшмак» (SouL).

15. Частотное включение сказочных персонажей. Одни их самых востребованных персонажей - Баба Яга, Кощей и Змей Горыныч. В случае с Бабой Ягой обыгрывается ее женское начало, жажда любви, кокетство, несоответствие внешнего (отталкивающая внешность) и внутреннего (женственность: «яга подкрасила ресницы / вскружив горынычу башку / затем чулки и мини юбка / и вскружены все три башки» (ЛюDМила) и др.

Ещё одним традиционным для сетевой поэзии является образ Кощея. Рецепция образа идет в нескольких направлениях. Первое – языковая игра, связанная с образом яйца, от которого зависит жизнь Кощея: «кощей бессмертный по морозу / бежал бессмертьями звеня» (bazzlan).

Второе – позиционирование Кощея как философа-мыслителя: «яйцо с иглой засунув в утку / сидел задумчиво кощей / и долго думал о природе / вещей» (LP).

В сюжете о Змее Горыныче чаще всего переосмысливается многоголовость мифологического героя: «третий день горыныч бродит сам не свой / слыша чей-то шёпот третьей головой» (seaL).

Типична ситуация, когда в пространстве сетевой поэзии темой новых произведений становятся красота Бабы Яги или болезненность Кощея Бессмертного: «валокордин кощей уныло / пил прислоняясь лбом к стеклу / с утра нехило прихватило / иглу» (Lameanata) или «кощей слабеет и хиреет / и не бессмертный он уже / а болен воспаленьем утки / и выпадением иглы» (ай эм).

16. Предложение альтернативной сказочной концовки / трансформация финала. Во многих жанрах сетевой поэзии основные акценты, делающие произведение нетривиальным, расставляются именно в финальной части. Неудивительно, что эта специфическая деталь поэтики приводит к тому, что в пересказе сюжета меняется именно финал, а вместе с этим и мораль сказки: «утоп царевич и лягушка / стрелой пробитая лежит / простая сказка без намёков / и лжи» (Антон Зуев & Погоня); «мной в лесу был встречен / чёрствый колобок / вижу лисью челюсть / воткнутую в бок» (luka).

Активное использование образов и мотивов русского фольклора связано с поэтикой сетевых сатирических жанров, где важнейшую роль играет переосмысление традиционных сюжетов, использование прецедентных имен, разрушение стереотипов восприятия, парадоксальность финала. Функциональный потенциал фольклора в поэтических сетевых форматах поистине многообразен: сказочные герои и сюжеты легко вписываются в современный контекст, позволяют осмыслить серьёзные явления действительности с комической стороны и служат своеобразным мостиком-паролем между авторами и читателями, с удовольствием считающими неувязки сигналов знакомых с детства текстов-источников и произведений, предлагаемых в Интернет-пространстве.

Библиографические ссылки

1. Кронгауз М. А., Ковшова М. Л. Смех не без причины. Язык и механизмы комического в новых жанрах интернет-поэзии. ДИСКУРС, 2024. 208 с.

2. Кронгауз М. А. Переосмысление текста и мотив превращения в малом жанре интернет-поэзии («порошок») // Слово.ру: Балтийский

акцент. 2019. Т. 10. № 4. С. 109–126. [Электронный ресурс]. URL: yberleninka.ru/article/n/pereosmyslenie-teksta-i-motiv-prevrascheniya-v-malom-zhanre-internet-poezii-poroshok (дата обращения: 09.01.2025).

3. *Петренко С. Н.* Жанровые модели постфольклора в русской постмодернистской литературе последней четверти XX – начала XXI века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/zhanrovye-modeli-postfolklor-a-v-russkoi-postmodernistskoi-literature-poslednei-chetverti-xx> (дата обращения: 12.01.2025).

4. Петренко С. Н. Пирожки и порошки: сетевая поэзия между фольклором и литературой // Известия ВГПУ 2014. № 2. С. 129–134.

5. *Пропп В. Я.* Русская сказка. (Собрание трудов В. Я. Проппа). М., Лабиринт, 2000. С. 50–51.

6. Поэторий. [Электронный ресурс]. URL: <https://poetory.ru/> (дата обращения: 29.03.2025).